

описания гнанасанского чередования степеней согласных. Эта попытка чрезвычайно интересна не только для исследования гнанасанского языка, но и для общего языкознания.

В целом ряде статей он рассматривал и проблемы селькупской грамматики, им же написаны важные разделы в монографическом описании языка тазозских селькупов. Вообще, автором представлено настолько много новых фактов и оригинальных взглядов, что очень трудно выбрать из них самые существенные. Значительны результаты исследований в области селькупистики, тем более что появились кандидатские диссертации, использовавшие сформулированные Е. Хелимским принципы. Но он опубликовал еще и монографию о языке первых селькупских книг, в которую входят грамматика и селькупско-русско-английский словарь с обстоятельными комментариями к текстам Н. П. Григорьевского 1879—

1884 гг. Работы Е. Хелимского в области синхронии маторского языка представляют собой успешные попытки выявить фонологический и морфологический строй вымершего маторского языка на основе весьма скудных рукописных материалов, оформленных дилетантами. И в этой области трудно что-либо выделить, все многочисленные результаты существенны.

Итак, исследования Е. Хелимского в области исторической и описательной диалектологии самодийских языков следует считать очень серьезным вкладом в самодистику. Деятельность его охватывает все еще живые самодийские языки, кроме того, он ввел в научный обиход многие забытые рукописные работы, прокомментировал их. Его труд включает синхроническую и историческую фонологию, морфологию и даже лексикологию всех самодийских языков и языковых групп.

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1989.2.17>

II ЗОНАЛЬНЫЙ СИМПОЗИУМ «ДИАЛЕКТЫ И ИСТОРИЯ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ»

2—3 марта 1988 года на филологическом факультете Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР (Ижевск) состоялся II зональный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Это совещание пермистов и финно-угроведов, тюркологов, русистов и германистов, объединенных в данном случае изучением истории пермских языков в различных аспектах и с различных исходных позиций, было организовано и проведено кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания.

Нынешний симпозиум был посвящен 120-летию со дня рождения известного финно-угроведа Ю. Вихманна, одного из основателей сравнительно-исторической пермистики. Юрьё Йоосеппи Вихманн родился в северной Финляндии в 1868 году; лицейскую учебу он завершил в 1883 году в г. Оулу, высшее образование получил в Хельсинкском университете, где, наряду с изучением санскрита и латыни, обратил серьезное внимание на финно-угорские языки, в их числе и уд-

муртский. После окончания учебы 13 июля 1891 года магистр философии Ю. Вихманн отправился в Россию с целью исследования в полевых условиях частью совершенно неизвестных, частью весьма неудовлетворительно изученных диалектов и народной поэзии удмуртов. Год (без одной недели) он находился в пути, причем восемь месяцев провел среди удмуртов, работал на территории распространения почти всех основных диалектов удмуртского языка. В изданиях «Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprache», Helsingfors 1893. — JSFOu 11; «II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen», Helsingfors 1901. — JSFOu 19, и «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» (Helsingfors 1901) он опубликовал 457 песен, 445 загадок, 91 пословицу, 64 курьескона (языческие молитвы), 54 сказки, легенды и предания, 36 заговоров, 17 причитаний, 5 рассказов этнографического содержания — всего 1169 произведений различных жанров традиционного удмуртского фольклора. Его лексиче-

ские материалы увидели свет лишь 95 лет спустя после фиксации (Wotjakischer Wortschatz, Helsinki 1987).

Ю. Вихманн собирал материал с частичной публикацией его также у коми (1901—1902 гг.), марийцев (1905—1906 гг.), у восточных венгров и северных чанго (1906—1908 гг.) и тем самым принес двойную пользу финно-угроведению: с одной стороны, в его записях спасен для науки богатый запас материалов, необходимых для познания корней финно-угорских народов (Setälä 1933 : 3); с другой, в дальнейшем во всей своей научной деятельности он опирался на практическое знание языка, на личный опыт и собранный материал (N. Sebestyén 1928 : 228).

Владея удмуртским и коми языками и имея в своем распоряжении добротный материал, финский профессор своими текстовыми публикациями и целым рядом научно-исследовательских трудов внес огромный вклад в разработку удмуртского языкознания, особенно таких разделов, как диалектология, историческая фонетика, историческая лексикология и этимология, вопросы исторической морфологии и контактирования пермских языков с другими. Именно эти проблемы удмуртского и коми языкознания, рассматриваемые с учетом творческого наследия Ю. Вихманна, стояли в центре внимания II зонального симпозиума пермистов.

На двух пленарных и двух секционных заседаниях (секции работали по темам: «Вопросы диалектологии и ономастики», «Вопросы лексикологии и грамматики», «Языковая типология и интерференция») было заслушано 40 докладов ученых из Ижевска (20 докладов), Сыктывкара (10), Казани (4), Москвы (2), Ленинграда, Таллинна, Калининна и Елабуги (по 1 докладу).

В более чем десяти докладах анализировалось творческое наследие Ю. Вихманна с точки зрения развития его идей в современной пермистике. В докладе В. К. Кельмакова (Ижевск) «Ю. Вихманн и удмуртское языкознание» рассмотрены вопросы исторической фонетики и исторической морфологии удмуртского языка, намеченные еще в исследованиях Ю. Вихманна. Докладчик

отметил, что факты и явления фонетики удмуртского и коми языков интересовали финского ученого в двух аспектах: и как объект исследования (напр., состав гласных в праудмуртском языке, история происхождения диалектных \dot{y} и \dot{a} (Wichmann 1915 : 4—6, 13—14), переход $a > o$ в непервых слогах болгарских заимствований (Wichmann 1903 : 26—27) и т. д.); и как критерий истинности в верификации своих праязыковых реконструкций (напр., палатальной и велярной аффрикаты (Wichmann 1911 : 173—289), двух рядов l -ового согласного: $*l$ и $*l'$ (Wichmann 1915 : 1—55); и др.). Критическая оценка деятельности Ю. Вихманна как исследователя исторической лексикологии удмуртского языка дана в докладе И. В. Тараканова (Ижевск) «Вихманн как исследователь исторической лексикологии удмуртского языка», где проанализированы работы «Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen», Helsingfors 1903 (MSFOu XXI), «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar», Helsingfors 1901 и серия статей под названием «Etymologisches aus den permischen Sprachen». (— FUF I 1901, с. 99—111; III 1903, с. 99—110; XII 1912, с. 128—138; XIV 1914, с. 81—120; XVI 1923—24, с. 183—212), объясняющих происхождение свыше ста пермских слов. С. В. Соколов (Ижевск), «Удмуртские названия птиц и животных в публикациях Ю. Вихманна», сообщил, что в публикациях финского ученого зафиксировано 82 удмуртских наименования, 58 из них этимологизированы. Причем в одних случаях Ю. Вихманн ограничивается приведением установленных этимологий (24 слова), в других — дополняет и уточняет известные этимологии (8 случаев), в третьих — предлагает свои объяснения (26 наименований птиц и животных). Значение публикаций Ю. Вихманна для изучения удмуртских диалектов рассматривалось в докладах Б. Ш. Загуляевой (Ижевск) «Ю. Вихманн как диалектолог удмуртского языка» и Г. А. Архипова (Ижевск) «Ю. Вихманн об отдельных фонетических явлениях в удмуртских диалектах». Как отмечается в последнем, финский исследователь удмуртских диалектов впервые заметил, в частности, такое специфическое явление, как

гортанный смычный на месте обычных смычных в определенных комбинациях.

Коми специалисты анализировали некоторые аспекты деятельности Ю. Вихманна в области коми языкознания. Из доклада А. И. Туркина (Таллинн) «Ю. Вихманн как исследователь коми диалектов» явствует, что Вихманн в период поездки к коми в 1901—1902 гг. исследовал девять из десяти коми-зырянских диалектов, причем материалы по летскому говору ввел в научный оборот впервые. Собранный им фольклорный материал издан еще при жизни (Wichmann 1916), лексическая часть собрания вышла спустя 10 лет после смерти исследователя благодаря заботам его ученика Т. Э. Уотила (*Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgezeichnet von Y. Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila, Helsinki 1942*). Этот коми словарь с приложением морфологического очерка, как отметил В. А. Ляшев (Сыктывкар) в докладе «Диалектологические комментарии к Ю. Вихманну», до сих пор не прочтен до конца, не полностью расшифрованы отдельные загадки коми диалектной фонетики, отраженные в нем. Так, 90 лет назад Ю. Вихманном на территории распространения ижемского диалекта было зафиксировано около полотораста слов с закрытым *o* (*o*), причем часть их совпадает с верхнесольской лексикой, содержащей аналогичный гласный. Хотя новейшие магнитофонные записи на севере Коми АССР не передают фонематичности закрытого гласного, но по некоторым особенностям произношения старожилы автор допускает возможность реликтового состояния в нуль-эловых говорах коми языка. А. Н. Ракин (Сыктывкар), «Словарь Ю. Вихманна и антропотомическая лексика коми языка», обратил внимание на особую лексико-семантическую группу слов, отраженную в словаре, которая характеризуется высокой степенью архаичности и исконности (заимствования имеют небольшой удельный вес) — это названия органов и частей тела человека. Классификация и характеристика основных компонентов этой лексики — сомонимической, остеонимической и др. — осуществлена автором в зависимости от принадлежности объектов номинации к различным сферам ана-

томии человека. В выступлении Е. А. Цыпанова (Сыктывкар) «Глагольная архаика в трудах Ю. Вихманна по коми языку» подвергнуты анализу впервые выявленные Ю. Вихманном диалектные различия в глагольной системе, южно- и северокоми диалектные корреспонденции в области лично-числовых морфем настоящего и двух простых форм прошедшего времени. Финским ученым введены в научный оборот случаи архаичного употребления некоторых глагольных форм, в частности, отглагольных образований на *-ig*, *-ik*. Вклад Ю. Вихманна в изучение падежной системы коми языка заключается, во-первых, в правильном фактографировании падежных форм различных диалектов (напр., впервые зафиксированы формы удорского эггессива *-šañšš*, лузского комитатива *-mjd* и др.); во-вторых, в интерпретации их в ретроспективном плане (в частности, он впервые возвел к разным древним падежам суффиксы коми пролатива *-ed* и *-ti*, подверг сомнению генетическую связь пермского *š*-ового суффикса с финно-волжским лативом на *s* и т. д.). Эти положения, изложенные Ю. Вихманном в грамматическом очерке к своему упомянутому выше коми словарю и в статье «Zur permischen Grammatik». — FUF XVI 1923—24, с. 143—163, были предметом исследования в докладе Г. А. Некрасовой (Сыктывкар) «Вклад Ю. Вихманна в изучение падежной системы коми языка». Значение наследия Ю. Вихманна для современной фольклористики и литературоведения пермских народов рассматривалось в докладах Д. А. Яшина (Ижевск) «Удмуртские эпические тексты в публикациях Ю. Вихманна» и Ю. Г. Рочева (Сыктывкар) «Ю. Вихманн — исследователь духовной культуры коми народа».

В. К. Кельмаков (Ижевск), «Первый зарубежный исследователь удмуртских диалектов в полевых условиях», посвятил свое выступление творческой деятельности Т. Г. Аминоффа, со дня рождения которого в 1988 г. исполнилось 150 лет. Изложив малоизвестные для филологической общественности республике факты его биографии, докладчик отметил, что ранняя смерть первого финского исследователя удмуртских диалектов, возможно, стала причиной того, что

Финно-угорское общество отправило молодого Вихманна в первую очередь именно к удмуртам.

Проблемам диалектологии и ономастики было посвящено шесть докладов.

Л. Л. Карпова (Ижевск), «Словообразование имен существительных в дебинском и чурашурском говорах», обратилась к исследованию суффиксального словообразования и основосложения существительных в речи удмуртов, проживающих в Красногорском и Юкаменском районах Удмуртской АССР. А. Г. Шкляев (Ижевск), «Диалектная основа поэтического творчества Кузубая Герда», отметил, что классик удмуртской литературы опирался в своем творчестве прежде всего на увинско-вавожский говор. М. Г. Атаманов (Ижевск), «Собственно-удмуртский пласт личных имен удмуртов», на основе анализа выявленных им свыше 500 собственно удмуртских имен пришел к выводу, что в этой группе наиболее типичны антропонимы, восходящие к названиям зверей и птиц, далее — рыб, насекомых и др.; личные же имена, восходящие к названиям домашних животных, в удмуртском именнике встречаются исключительно редко. З. П. Ануфриева (Сыктывкар), «Исторические контакты коми с соседними народами по данным микропонимии Нижней Печоры», в указанном регионе обнаружила микропонимии коми, ненецкого и русского происхождения и пришла к выводу, что ненецкое население в древности обитало южнее, чем в настоящее время. К аналогичным выводам исторического характера пришел и Л. Ш. Арсланов (Елабуга), «Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах Татарской АССР», на основе изучения ойконимов, гидронимов, названий рощ, полей, могильников и т. п. удмуртского происхождения, составляющих наиболее древний этнолингвистический пласт топонимии бассейна рек Тойма, Возжай, Чуман, Умяк и др. Удмуртское население этих мест, как считает докладчик, частично передвинулось на север под натиском булгар, частично было ассимилировано; и в настоящее время в селениях с удмуртскими названиями проживают татары-кряшены, татары-мусульмане, русские

и марийцы. Т. И. Тепляшина (Москва), «Происхождение ойконима *Кизня* (удм. *kižna*)», обратила внимание на то, что объяснение топонимов самим населением нередко уводит исследователя в сторону от истины; она иллюстрирует свою мысль анализом происхождения ойконима *kižna*, который, по ее мнению, состоит из топоосновы *kiž-*, имеющей, вероятно, общепермское происхождение, и форманта *-na*, встречающегося и в словах *čukna* 'утро, утром' (ср. *čuk-*), *gožna* — удмуртское название деревни Гожня (Малопургинский район).

Вопросы истории пермских языков рассматривались в шести докладах.

Г. Г. Бараксанов (Сыктывкар), «О вставочных звуках в пермских языках», обратил внимание на то, что в пермских языках выделяются вставочные звуки *-k-*, *-m-*, *-l-* (во всех трех) и *-j-* (в коми-зырянском). Если последний, как убедительно доказал В. И. Лыткин, является реликтом финно-угорской (уральской) основы на узкий гласный, то решение вопроса о том, являются ли формы с остальными вставочными согласными остатками пермских двусложных основ, по мнению докладчика, вызывает серьезные затруднения. По мнению В. Н. Денисова (Ленинград), «Типологические аспекты ударения в удмуртском и некоторых тюркских языках (по материалам экспериментальных данных)», из трех акустических компонентов ударения в качестве признака словесного ударения наиболее стабильно выступает длительность гласного. Интенсивность, как правило, связана с началом слова; эта особенность акцентной структуры удмуртского слова восходит к финно-угорскому праязыковому ударению на первом слоге. А. Ф. Шутов (Ижевск), «Объектные конструкции в удмуртском языке», выделяет в удмуртском языке 12 структурных типов синтаксических конструкций — распространенных дополнений, из которых лишь один имеет параллель в близкородственном коми языке. Докладчик высказывает мнение, что субъектные конструкции возникли из простых предложений. Диалектной фразеологии посвящен доклад В. П. Губарева (Москва) «Историческая фразеология и диалекты», иллюстрированный примерами из

русского, удмуртского и коми языков. Е. А. Игушев (Сыктывкар), «Стилистика архаических элементов современного коми языка», отмечает возможности и случаи стилистического использования устаревших коми грамматических форм В. В. Напольских (Ижевск), «Историческая импликация двух уральских этимологий», предложил уточнения к этимологии слов (ф.-уг.) **pata* 'горшок, котел' и (ур.) **waske* 'какой-то металл, ? медь' (Об этимологии последнего писал и Ю. Вихманн — Wichmann 1897; 1899).

Значительное место в работе симпозиума занимали вопросы контактирования пермских (преимущественно удмуртского) языков с неродственными (русским и татарским) языками (9 докладов).

Влияние русского языка на удмуртский рассмотрено на материале различных уровней системы: фонетики средних говоров (Ю. А. Снегирев и И. Галасеева (Ижевск), «Особенности произношения безударных гласных в удмуртском языке»), лексики языка современной периодики (Р. Ш. Насибуллин (Ижевск), «Динамика русских заимствований в удмуртском языке в советский период»), морфологии (И. П. Поздеева (Ижевск), «Морфологическая интерференция в речи билингвов-удмуртов»); а также на материале истории формирования графических, орфографических, фонетических, лексических и других норм литературного языка (В. М. Вахрушев (Ижевск), «Роль русского языка в развитии удмуртского литературного языка»). Р. Г. Ахметьянов (Казань), «Калькирование татарских слов в удмуртском языке», остановился на способе заимствования внутренней формы (модели) производных слов татарского языка в удмуртский.

Однако в постановке и решении данных проблем на симпозиуме наметился и новый аспект. Если традиционно вопрос рассматривался в плане влияния соседних (напр., русского, татарского и др.) языков на финно-угорские языки (в частности, на удмуртский), то теперь в целом ряде докладов была сделана попытка выявить финно-угорские элементы в контактирующих языках. Так, в докладе Г. И. Тираспольского (Сыктыв-

кар) «Финно-угорский субстрат в истории русских возвратно-залоговых форм» выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой глагольный суффикс *-ся* в русском языке был агглютинирован к глагольной основе как в силу действия внутриязыковых причин, так и под финно-угорским субстратным воздействием. В докладах ученых из Казани Д. Б. Рамазановой «Следы взаимовлияния с пермскими финно-угорскими языками в татарских говорах Среднего Урала», Ф. С. Баязитовой «Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар» и Р. Ф. Нуретдинова «К вопросу заселения Пританьпья татарами, удмуртами и марийцами» на материале различных татарских говоров анализируются результаты влияния удмуртского языка.

В программу симпозиума в отличие от первого были включены вопросы сопоставительного изучения удмуртского и коми языков с иносистемными языками. Этой проблематике посвящено шесть докладов. Д. И. Арбатский (Ижевск), «Семантическая система языка и части речи в русском и удмуртском языках», при определении специфики каждой части речи, их состава и функции в структуре предложения обоих языков предлагает учитывать не только синтагматические классы (предметность, процессуальность, качество и др.), но и семантические признаки (функцию, структуру, движение, состояние, место, время, цель, причину и т. д.). В докладе Г. А. Ушакова (Ижевск) «Текстообразующие функции удмуртских и русских глаголов» в сопоставительном плане рассмотрена конструирующая роль глагольной категории времени в текстах удмуртского и русского языков. Докладчиком установлено, что в текстах удмуртского языка варьирование временных форм глагола имеет относительно более свободный характер. Т. И. Прокушева (Сыктывкар), «Категория одушевленности/неодушевленности в русском и коми языках», в сопоставительном плане рассматривает выражение аккузатива в обоих языках и отмечает, что в коми языке, как и в русском (и не без его влияния), наметилась оппозиция одушевленности/неодушевленности существительного, находящая формальное выра-

жение в маркированности/немаркированности винительного падежа (при множестве случаев непоследовательности). Однако в коми языке на развивающуюся категорию одушевленности/неодушевленности наложилась категория определенности/неопределенности, поэтому маркер одушевленности *-õc* может присоединяться к формам аккузатива неодушевленных существительных — названий коллективов, учреждений, организаций и т. д. Отдельные морфологические категории и синтаксические конструкции удмуртского языка в сопоставлении с аналогичными явлениями германских (немецкого или английского) языков рассмотрены в докладах Д. Я. Новиковой (Калинин) «Средства выражения темпоральных и актуальных значений удмуртской формы

прошедшего длительного в немецком языке», К. А. Ложкиной (Ижевск) «Соотношение темпорального и аспектуального параметров в семантике обстоятельств времени немецкого и удмуртского языков», Н. И. Пушиной и Г. А. Трониной (Ижевск) «Особенности реализации модальных значений в залоговых конструкциях в английском и удмуртском языках».

II зональный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» стал заметным событием в истории удмуртского и коми языкознания, а также в научной жизни Удмуртского государственного университета и республики. Очередной симпозиум состоится в 1990 году в Сыктывкаре.

ЛИТЕРАТУРА

- N. Sebestyén, I. 1928, *Wichmann-György hatvanadik születésnapjára*. — *MNy* XXVI, 225—232.
- Setälä, E. N. 1933, Yrjö Wichmann 8. IX 1868 — 3. V 1932. — *FUF* XXI, 1—3.
- Wichmann, Y. 1897, *Suom. vaski sanan vastineet permiläisissä kielissä (votjakissa ja syrjäänissä)*. — *Vir.*, 23—25.
- 1899, *Die Verwandten des finn. vaski (Kupfer) in den permischen Sprachen (Syrjänischen und Wotjakischen)*. — *JSFOu* XVI₃.
- 1903, *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors (MSFOu XXI)*.
- 1911, *Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden Affrikate, besonders im Ungarischen und im*

- Finnischen*. — *FUF* XI, 173—289.
- 1915a, *Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische*, Helsinki (MSFOu XXXVI).
- 1915b, *Zur Geschichte der finnisch-ugrischen l-Laute (*l und *ʀ), besonders in der permischen Sprachen und im Ostjakischen*. — *FUF* XV, 1—55.
- 1916, *Syrjänische Volksdichtung*, Helsinki (MSFOu XXXVIII).
- Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und M. Korhonen. Herausgegeben von M. Korhonen, Helsinki 1987.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ВЕНГЕРСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Институт языкознания Венгерской Академии Наук и Венгерское лингвистическое общество провели в Будапеште 27—30 августа 1988 года V Международный конгресс по венгерскому языкознанию. Из 15 стран на конгресс прибыло 270 участников — среди них 230 венгерских ученых и 40 зарубежных. Последние в большинстве своем представляли соседние страны — СССР, Югославию, Чехословакию, Австрию, но видные специалисты по венгерскому языку и пре-

подаватели его приехали также издалека — от США до Японии, например, из ФРГ, Франции, Великобритании, Голландии, Швейцарии. В университете им. Лоранда Этвёша на двух пленарных заседаниях прозвучало четыре доклада, число секционных докладов превысило 150. Большой сбор исследователей венгерского языка впервые происходил в столице, четыре предыдущих конгресса состоялись в провинциальных городах Венгрии.